

Конечно, при изучении проблемы развития орудий труда в Византии и византийской техники перед нами встают значительные трудности, связанные прежде всего с недостатком источников и, конечно, с тем, что некоторые византийские технические изобретения полностью погибли. „Как мало были гарантированы от полной гибели развитые производительные силы, даже при сравнительно обширной торговле, показывает пример финикиян, большинство изобретений которых погибло на долгое время благодаря вытеснению этой нации из торговли, ее завоеванию Александром...“¹ пишут К. Маркс и Ф. Энгельс.

Участь Византии в этом смысле до известной степени была сходна с участью финикийцев. Но все же Византия сохранила гораздо больше источников, вещественных памятников, и поэтому более полное изучение византийской техники, ее развития является возможным. Оно должно быть осуществлено советскими историками.

Характеристику производства раннего средневековья дает Ф. Энгельс в „Анти-Дюринге“: „В средневековом обществе, в особенности в первые столетия, — пишет он здесь, — производство было направлено, главным образом, на собственное потребление. Оно удовлетворяло по преимуществу только потребности самого производителя и его семьи. Там же, где, как в деревне, существовали отношения личной зависимости, производство удовлетворяло также потребности феодала. Следовательно, здесь не существовало обмена, и продукты не принимали характера товара. Крестьянская семья производила почти все для нее нужное: орудие и одежду, так же как и жизненные средства. Производить на продажу она начала только тогда, когда стала производить излишек сверх собственного потребления и уплаты натуральных повинностей феодальному господину; этот излишек, пущенный в общественный обмен, предназначенный для продажи, становился товаром. Городские ремесленники должны были, конечно, уже с самого начала производить для обмена. Но и они вырабатывали большую часть нужных для собственного потребления предметов самостоятельно; они имели огороды и небольшие поля, пасли свой скот в общинном лесу, который, кроме того, доставлял им строительный материал и топливо; женщины пряли лен, шерсть и т. д. Производство с целью обмена, производство товаров еще только возникало. Отсюда — ограниченность обмена, ограниченность рынка, стабильность способа производства, местная замкнутость по отношению к внешнему миру, объединение внутри местных рамок, марка в деревнях, цехи в городах“.² Там же Энгельс замечает, что в это время законы товарного производства были как бы погружены в дремоту.

Эта характеристика раннесредневекового производства может быть применена и к Византии, но в социально-экономическом развитии в Византии имелись некоторые особенности. Византия не начала с такого „первобытного состояния“, как Западная Европа в средние века. Константинополь до открытия Америки был огромным мировым рынком торговли.³ Оживленными торговыми центрами являлись также Фессалоника и Трапезунд. Свообразие экономической структуры Византии состояло в сочетании домашнего хозяйства и производства на рынок, в наличии — наряду с промышленными городскими центрами с высоко развитым ремесленным производством и торговлей — внутренних

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 45.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1952, стр. 256.

³ См., например, характеристику Константинополя в XII в. у Вениамина Тудельского: *The Itinerary of Benjamin of Tudela* by M. N. Adler, London, 1907, p. 12—13.